

Л. Троцкий.

«Третий период» ошибок Коминтерна

I.

Что такое радикализация масс?

«Радикализация» масс стала сейчас в Коминтерне не характеристикой процесса, а голым символом веры. Истинные коммунисты — поучает *L'Humanite* — должны признавать руководящую роль партии и радикализацию масс. Такая постановка вопроса бессмысленна. Руководящая роль партии есть для каждого коммуниста непоколебимый принцип. Кто не руководствуется им, тот может быть анархистом или конфузионистом, но не коммунистом, т.— е. не пролетарским революционером. «Радикализация» же не есть принцип, а лишь характерна для данного периода? Это вопрос факта. Для того, чтобы серьезно оценить состояние масс, нужны правильные критерии. Что такое радикализация? В чем она выражается? Чем она характеризуется? Каким темпом и в каком направлении она развивается? Эти вопросы плачевным руководством французской компартии даже и не ставятся. Самое большее, если официальная статья или речь ссылается на рост стачек. Но и здесь даются лишь голые цифры, без серьезного анализа, даже без простого сравнения с прошлыми годами.

Такое отношение к вопросу вытекает не только из злополучных решений X-го пленума ИККИ, но, в сущности, из самой программы Коминтерна. В ней о радикализации масс говорится, как о непрерывном процессе. Это значит: сегодня масса революционнее, чем вчера, а завтра будет более революционна, чем сегодня. Такое механическое представление не отвечает реальному процессу развития пролетариата и капиталистического общества в целом. Зато оно как нельзя больше соответствует умонастроению Кашенов, Монмуссо и других перепуганных оппортунистов.

Социал-демократия, особенно до войны, рисовала себе будущее в виде непрерывного роста избирательных голосов, вплоть до момента полного овладения властью. Для вульгарного или мнимого революционера эта перспектива остается в сущности в силе, только, вместо непрерывного роста голосов, он говорит о непрерывной радикализации масс. Эту механическую концепцию санкционировала и бухаринско-сталинская программа Коминтерна. Само собою разумеется, что под углом зрения всей нашей эпохи в целом, развитие пролетариата идет в сторону революции. Но это вовсе не прямолинейный процесс, как не прямолинейен и объективный процесс обострения капиталистических антагонизмов. Реформисты видят только подъемы капиталистического пути. Формальные «революционеры» видят только спуски. Марксист же видит линию в целом, во всех ее конъюнктурных повышениях и снижениях, не теряя в то же

время ни на минуту ее основного направления — к катастрофам войн, ко взрывам революций.

Политические настроения пролетариата вовсе не изменяются автоматически, в одном и том же направлении. Подъемы классовой борьбы сменяются спусками, приливы — отливами, в зависимости от сложного сочетания материальных и идейных условий, внутренних и международных. Неиспользованная своевременно или ложно использованная активность масс переходит в свою противоположность, завершается периодом упадка, от которого затем масса оправляется быстрее или медленнее, опять-таки под влиянием новых объективных толчков. Наша эпоха характеризуется особенно резкими сменами отдельных периодов, чрезвычайно крутыми поворотами обстановки и потому налагает на руководство исключительные обязательства в отношении правильной ориентировки.

Активность масс, даже если она вполне правильно установлена, может, в зависимости от условий, принять очень различные выражения. Масса может в известный период быть целиком поглощена экономической борьбой и проявлять очень мало интереса к политическим вопросам. Наоборот, потерпев ряд крупных неудач на поле экономической борьбы, масса может круто перенести свое внимание в область политики. Но и здесь — в зависимости от ряда условий и от того опыта, с которым масса вступила в эти условия, — политическая активность ее может направиться либо на чисто парламентский путь, либо на путь внепарламентской борьбы.

Мы берем лишь очень немногочисленные примеры, характеризующие противоречия революционного развития пролетариата. Кто умеет следить за фактами и постигать их смысл, тот без труда признает, что намеченные нами выше варианты представляют собою не теоретические комбинации, а выражение живого международного опыта последних десятилетий.

Из сказанного во всяком случае ясно, что, когда говорят о «радикализации», то нужно требовать конкретного определения этого понятия. Такое требование марксистская оппозиция должна, разумеется, предъявить и к самой себе. Голое отрицание радикализации, в духе Монатта, Шамбелана и др., также мало дает, как и ее голое утверждение. Нужна оценка того, что есть, и того, что становится.

Кривая стачек во Франции

О радикализации французского рабочего класса официальные вожди говорят почти исключительно в связи со стачечным движением. Рост этого последнего есть несомненный факт, устанавливаемый статистически. Из этого факта и мы будем исходить.

Официальная статистика стачек во Франции запаздывает чрезвычайно. Последний отчет министерства труда о стачках заканчивается 1925 годом. За 1926 год в моем распоряжении нет никаких данных. За следующие три года имеются данные коммунистической печати. Совершенно несомненно, что цифры, взятые из двух указанных источников, несоизмеримы. Вряд ли министерство регистрирует с необходимой полнотой все стачки. С другой стороны, поверхностные «революционеры» из «Юманитэ» имеют явную тенденцию давать преувеличенные

данные. Но, несмотря на это, общая тенденция движения вырисовывается все же довольно ясно.

Наивысшей точки стачечное движение во Франции достигло в первые два года после войны. В **1919** году имело место **2.100** стачек, в которых участвовало **1.200.000** рабочих. В **1920** году произошло **1.900** стачек, в которые было вовлечено почти **1.500.000** рабочих. По числу стачечников это — кульминационный год. С **1921** года начинается — за небольшим изъятием, о котором ниже,— систематическое снижение, которое глубочайшей своей точки достигает в **1926–1927** годах. Вот круглые цифры: в **1921** году — **450.000** стачечников, т.— е. в три раза меньше, чем в предшествующем году. В **1922** г.— **300.000** стачечников. Только в **1923** году кривая не только не спускается, но даже слегка загибается вверх и показывает **365.000** стачечников. Это эпизодическое повышение вызвано несомненно событиями, связанными с рурской оккупацией и революционным движением в Германии. В **1924** году число стачечников опускается до **275.000**. В **1925** году — до **250** тысяч. За **1926** год, как уже сказано, у нас данных нет. За **1927** год мы имеем лишь общее число стачек: их было всего **230**, тогда как в годы **1919–1925** число стачек колебалось от **570** до **2.100**. Хотя число стачек и грубый показатель, но он не оставляет все же места сомнениям насчет того, что кривая стачек продолжала в общем снижаться с **1921** года до **1927** года включительно. В последнем квартале **1927** г. насчитывают **93** стачки с **70.000** стачечников. Если допустить, что стачки имели одинаковый средний размер в течение всего года (допущение — явно произвольное), то получим для **1927** г.— около **170.000** стачечников, число скорее преувеличенное, чем преуменьшенное.

За **1928** г. коммунистическая печать насчитывает около **800** стачек, причем, около **600** из них приходится на вторую половину года, с числом участников в **363.000**. Для всего **1928** года общее число стачечников можно, следовательно, гипотетически принять в **400–450.000** душ. Для **1929** года та же печать дает **1.200** стачек приблизительно с тем же числом участников, что и в **1928** г. (т.— е. **400–450.000**). По сравнению с прошлым годом повышения, следовательно, нет. Число стачечников в **1928**, как и в **1929** году, примерно в два раза больше, чем в **1925** году. Оно приблизительно равно числу стачечников в **1921** году. Оно в три или три с половиной раза меньше, чем в **1920** г.

Все эти цифры, как уже сказано, не претендуют на безусловную точность, но они достаточны для того, чтобы определить динамику процесса. После стачечной кульминации **1919–1920** г. г. идет убывающая прогрессия до **1928** года, лишь с небольшим нарушением для **1923** года. В **1928** и **1929** годах мы наблюдаем несомненный и притом значительный прилив стачечного движения, связанный, как нетрудно понять (далее это будет показано), с промышленным подъемом при стабилизированной валюте.

Можно с полной уверенностью сказать, что период **1919–1927** годов образует в жизни французского пролетариата некоторый самостоятельный цикл, включая в себя как бурный подъем рабочего движения сейчас же после войны, так и его поражения и его упадок, особенно резкий после катастрофы **1923** г. в Германии. В наиболее общем своем виде этот цикл характерен не для одной только Франции, а для всей Европы; в значительной мере — для всего мира. Что характерно для Франции, как таковой, это сравнительно умеренная амплитуда колебаний между высшей и низшей точками цикла: через подлинно революционный кризис

победоносная Франция не проходила. В ритме французского стачечного движения гигантские события, развертывавшиеся в России, Германии, Англии и других странах, нашли лишь ослабленное отражение.

Те же тенденции стачечного движения французских рабочих характеризуются и другими данными. Число стачечников и число стачечных дней, приходившихся в среднем на каждую стачку, резко падало, начиная с 1922 года. В 1921 году на одну стачку в среднем приходилось почти 800 рабочих и свыше 14.000 дней. В 1925 г. на стачку приходилось уже меньше 300 рабочих и несколько больше 2.000 дней. Можно предположить, что в 1926–27 г. г. эти средние числа во всяком случае не возросли. В 1929 году на стачку уже приходится около 400 человек.

Отметим еще один важный показатель, который нам понадобится в дальнейшем. В послевоенные годы первое место среди стачечников принадлежало, главным образом, горнорабочим, металлистам, транспортникам. За последние два года первое место приходится на текстильщиков и вообще на так называемую легкую индустрию.

О чем говорят данные стачечной статистики?

Подтверждают ли они тезис о радикализации масс или ниспровергают его? Прежде всего, ответим мы, они выводят из его области абстракций, где Монмуссо говорит — да, а Шамбелан говорит — нет, не определяя, что надлежит понимать под радикализацией. Приведенные выше данные о стачечной борьбе являются бесспорным свидетельством известных сдвигов в рабочем классе. Вместе с тем, они дают очень важную оценку количества и качества этих сдвигов. Они намечают общую динамику процесса и дают до некоторой степени возможность предвидеть завтрашний день или, точнее, возможные варианты завтрашнего дня.

Прежде всего установим, что данные за 1928–1929 г., в сопоставлении с предшествующим периодом, характеризуют начало какого-то нового цикла в жизни французского пролетариата. Они дают право предположить, что в массах произошли и происходят глубокие молекулярные процессы, в результате которых инерция снижения — пока лишь на экономическом фронте — начинает явно преодолеваться.

Однако, те же данные показывают, что рост стачечного движения еще очень скромнен и отнюдь не дает картины бурного разлива, который позволял бы делать заключения о революционном или хотя бы о пред-революционном периоде. В частности разницы между 1928 и 1929 годами незаметно. На первом месте в стачечном движении стоят пока еще, как упомянуто выше, предприятия легкой промышленности. Из этого факта Шамбелан делает огульный вывод против — «радикализации» вообще. Другое дело, — говорит он, — если б стачки охватывали крупные предприятия тяжелой промышленности и машиностроения. Другими словами, он представляет себе «радикализацию» падающей с неба в готовом виде. На самом деле цифры свидетельствуют не только о том, что открылся новый цикл борьбы пролетариата, но и о том, что цикл этот проходит сейчас лишь через первые свои этапы. После поражений и упадка, новое оживление, при отсутствии каких-либо больших событий, и не могло начаться иначе, как с промышленной периферии, т. — е. с легкой промышленности, со второстепенных отраслей, с менее крупных предприятий. Перенесение стачечного движения на металлургию, машиностроение

и транспорт означало бы переход его в более высокую стадию и свидетельствовало бы уже не о симптомах начавшегося сдвига, а о факте решительного перелома в настроениях рабочего класса. Этого еще нет. Но ни с чем несообразно закрывать глаза на первую стадию движения, только потому, что не наступила еще вторая, третья или четвертая. Беременность даже на втором месяце есть беременность. Если ее форсировать, это приведет к выкидышу. Но к тому же результату можно прийти, если ее игнорировать. Не мешает, однако, по поводу этой аналогии, прибавить, что в области социальной сроки совсем не так устойчивы, как в области биологической.

Факты и фразы

При обсуждении вопроса о радикализации масс не нужно ни на минуту забывать, что монолитности пролетариат достигает только в периоды высшего революционного подъема; в условиях же «будней» капиталистического общества пролетариат далеко не однороден, причем, разнородность его слоев резче всего проявляется как раз на поворотах дороги. Наиболее эксплуатируемые, наименее квалифицированные, или политически наиболее отсталые слои пролетариата зачастую первыми вступают на арену борьбы, а при неудачах нередко первыми покидают ее. На новом этапе легче вовлекаются в движение как раз те группы рабочих, которые на предшествующем этапе не терпели поражений, хотя бы потому, что вообще еще не участвовали в больших боях. В том или другом виде эти явления должны наблюдаться и во Франции.

О том же свидетельствует нерешительность организованных рабочих, на которую указывает и официальная коммунистическая печать. Да, у организованных слишком сильно развиты задерживательные центры. Чувствуя себя незначительной частицей пролетариата, организованные склонны нередко играть консервативную роль. Это, конечно, не довод против организации, а довод против ее слабости, и довод против тех синдикальных вождей типа Монмуссо, которые не понимают природы синдикальной организации и не способны обеспечить за ней надлежащее место в рабочем классе. Но, во всяком случае, для данного момента, авангардная роль неорганизованных в стачечной борьбе свидетельствует о том, что дело идет пока не о революционной, а о корпоративно-экономической борьбе, притом, о первоначальных ее стадиях.

Об этом же свидетельствует крупная роль в стачечной борьбе иностранных рабочих, которым — заметим мимоходом — во Франции предстоит роль, аналогичная, до известной степени, роли негров в Соединенных Штатах. Но это в будущем. Сейчас же роль, которую играют в стачках иностранцы, часто не знающие французского языка, является лишним доказательством того, что дело идет не о политической, а о корпоративной борьбе, толчок которой дало изменение экономической конъюнктуры.

Даже по отношению к чисто-экономическому фронту нельзя говорить, как это делают Монмуссо и К°, о наступательном характере борьбы. Они основывают это определение на том, что значительный процент стачек ведется во имя повышения заработной платы. Глубокомысленные вожди забывают, что такая форма требований навязывается рабочим, с одной стороны, ростом цен на жизненные продукты, с другой — повышением физиологической эксплуатации рабочего, вследствие новых промышленных методов (рационализация). Рабочий вынужден

требовать повышения номинальной заработной платы для того, чтобы защитить свой вчерашний жизненный уровень. «Наступательный» характер эти стачки могут иметь только с точки зрения капиталистической бухгалтерии. С точки зрения синдикальной политики они несут чисто оборонительный характер. Именно эту сторону дела должен был бы ясно понять и всемерно выдвигать каждый серьезный синдикалист. Но Монмуссо и К° считают себя вправе быть никуда негодными синдикалистами на том основании, что они, с позволения сказать «революционные вожди». Крича до хрипоты о наступательном, политическом и революционном характере чисто оборонительных экономических стачек, они, конечно, не меняют природы этих стачек и не поднимают их значения ни на один миллиметр, но за то они, как нельзя лучше, вооружают хозяев и государственную власть для отпора рабочим.

Нисколько не улучшает дела указание наших «вождей» на то, будто стачки становятся «политическими» вследствие... активной роли в них полиции. Поразительный аргумент! Избиение стачечников полицейскими квалифицируется, как... революционное наступление рабочих. История Франции знает не мало расстрелов рабочих при чисто экономических стачках. В Соединенных Штатах кровавая расправа над стачечниками является правилом. Значит ли это, что рабочие Соединенных Штатов ведут наиболее революционную борьбу? Расправа над стачечниками сама по себе имеет, конечно, политическое значение. Но отождествлять ее с революционно-политическим наступлением рабочих масс могут только крикуны, бессознательно играющие на руку хозяевам и их полиции.

Когда британский Генеральный Совет изображал революционную стачку 1926 г., как мирную манифестацию, то он знал, что делал: это была насквозь продуманная измена. Когда же Монмуссо и К° изображают разрозненные экономические стачки, как революционное наступление на буржуазное государство, то никто не обвинит их в сознательной измене: продуманно эти люди вряд ли вообще способны действовать. Но рабочим от этого не легче.

Мы увидим в следующей статье, как наши ужасно революционные герои оказывают и другие услуги хозяевам, игнорируя торгово-промышленный подъем, преуменьшая его значение — т.— е. преуменьшая барыши капиталистов — и тем самым вырывая почву из-под экономической борьбы рабочих.

Все это делается, конечно, во славу «третьего периода»!

II.

Конъюнктурные кризисы и революционный кризис капитализма

На V-ом конгрессе Унитарной Конфедерации А. Вассар выступил против Шамбеляна с большой речью, которая была затем издана отдельной брошюрой с предисловием Жана Бреко. В своей речи-брошюре Вассар делает попытку защитить революционную перспективу против реформистской. В этом смысле наше сочувствие целиком на его стороне. Но, увы, он защищает революционную перспективу такими доводами, которые могут принести выгоду только реформистам. В речи его заключается ряд убийственных теоретических и фактических ошибок. Можно возразить: мало ли на свете ошибочных речей? Вассар может еще многому научиться. Я сам был бы рад так думать. Но дело

осложняется тем, что речь издана в виде пропагандистской брошюры. Она снабжена предисловием Жана Бреко, который приходится по крайней мере кузенном самому Монмуссо, и это придает брошюре программный характер. То обстоятельство, что не только автор, но и редактор, подготавливая речь к печати, не заметили в ней вопиющих ошибок, свидетельствует об удручающем состоянии теоретического уровня нынешних руководителей французского коммунизма. Жан Бреко не устает громить марксистскую оппозицию. Между тем, как мы сейчас покажем, ему нужно было бы просто засесть за азбуку. Руководство рабочим движением не мирится с невежеством, как сказал некогда Маркс Вейтлингу.

Шамбелян высказал на конгрессе ту ни на чем решительно, кроме реформистских тенденций оратора, не обоснованную мысль, что стабилизация капитализма продержится еще лет тридцать-сорок, т. — е., что даже новое поколение пролетариата, только теперь становящееся на ноги, не может рассчитывать на революционное завоевание власти. Никаких серьезных соображений в пользу этих фантастических сроков Шамбелян не привел. Между тем исторический опыт последних двух десятилетий и теоретический анализ нынешнего положения говорят целиком против перспективы Шамбеляна.

Но послушаем, как его опровергает Вассар. Последний доказывает, прежде всего, что даже до войны капиталистическая система не могла существовать без потрясений. «С 1850 до 1910 происходил приблизительно каждые 14 лет (?) экономический кризис, порожденный капиталистической системой» (стр. 14). И далее: «если перед войной, кризисы происходили каждые 14 лет, то мы видим противоречие между этим фактом и утверждением Шамбеляна, который не предвидит серьезного кризиса раньше 40 лет». (стр. 15).

Не трудно понять, что этой аргументацией Вассар, смешивающий конъюнктурные кризисы с революционным кризисом капитализма в целом, только подкрепляет ложную позицию Шамбеляна.

Прежде всего поразительным представляется определение конъюнктурного цикла в 14 лет. Откуда Вассар взял эту цифру? Мы ее в первый раз слышим. И как это Жан Бреко, столь авторитетно нас поучающий (почти столь же авторитетно, как сам Монмуссо), не заметил этой грубейшей ошибки, притом в таком вопросе, который для профессионального движения имеет самое непосредственное, самое жизненное значение? До войны каждый синдикалист знал, что кризисы или, по крайней мере, депрессии, повторяются каждый семь-восемь лет. Если взять период за полтора года лет, то окажется, что кризис от кризиса никогда не отстоял больше, чем на 11 лет. Средняя же длительность цикла — около 8 ½ лет, причем, как показал уже предвоенный период, конъюнктурный ритм имеет тенденцию не к замедлению, а к ускорению, что связано с более частым обновлением технического оборудования. В послевоенные годы изменения конъюнктуры имели неправильный характер, который выражался, однако, в том, что кризисы повторялись чаще, чем до войны. Как же руководящие французские профессионалисты могут не знать этих элементарных фактов? Как можно в частности руководить стачечным движением, не имея перед глазами реальной картины смены экономических конъюнктур? Этот вопрос каждый серьезный коммунист может и должен поставить руководителям Унитарной Конфедерации, и прежде всего, Монмуссо, — в упор.

Так обстоит дело с фактической стороны... Не лучшей оно обстоит и с методологической. В самом деле, что доказывает Вассар? Что капиталистическое развитие вообще немислимо без конъюнктурных противоречий: они были до войны, будут и впредь. Вряд ли станет отрицать это общее место и Шамбелян. Но отсюда еще не вытекает никакой революционной перспективы. Скорее уж наоборот: если за последние полтора года лет капиталистический мир прошел через восемнадцать кризисов, то нет основания делать вывод, что капитализм должен пасть на девятнадцатом или на двадцатом. На самом деле, конъюнктурные циклы в жизни капитализма, играют, примерно, ту же роль, что циклы кровообращения в жизни организма. Из периодичности кризисов также мало вытекает неизбежность революции, как из ритмичности пульса — неизбежность смерти.

На III-м конгрессе Коминтерна (1921 г.) тогдашние ультраевые (Бухарин, Зиновьев, Радек, Тельман, Тальгеймер, Пеппер, Бэла-Кун и др.) считали, что капитализм не будет больше знать промышленных подъемов, ибо он вступил в свой последний («третий»?) период, который будет разворачиваться на основе перманентного кризиса до самой революции. Вокруг этого вопроса на III-м конгрессе шла большая идейная борьба. Мой доклад в значительной своей части был посвящен доказательству той мысли, что и для эпохи империализма остаются в силе законы, определяющие смену промышленных циклов, и что капитализму будут свойственны конъюнктурные колебания до тех пор, пока он вообще будет жить на свете: пульс прекращается только у мертвеца. Но по характеру пульса, в связи с другими признаками, врач может определить, сильный ли пред ним организм или слабый, здоровый или больной (конечно, я говорю не о медиках школы Монмуссо). Между тем, Вассар делает попытку доказать неизбежность и близость революции на том основании, что существуют вообще кризисы и подъемы... каждые 14 лет.

Вассар легко избежал бы этих грубых ошибок, если б изучил хотя бы доклад и прения на III-м конгрессе Коминтерна. Но, увы, важнейшие документы первых четырех конгрессов, когда в Коминтерне работала подлинная марксистская мысль, составляют в настоящее время запретную литературу. Для нового поколения вождей история марксистской мысли начинается с V-го конгресса, особенно же с злосчастного X-го пленума ИККИ. В механическом разрушении теоретической традиции состоит одно из главных преступлений тупого и слепого бюрократического аппарата.

Экономическая конъюнктура и радикализация масс

Если Вассар не знает механики промышленных циклов, и не понимает взаимоотношения между конъюнктурными кризисами и революционным кризисом капиталистической системы в целом, то столь же неясна ему диалектическая взаимозависимость между экономической конъюнктурой и борьбой рабочего класса. Вассар представляет себе эту зависимость совершенно так же механически, как и его антагонист Шамбелян, хотя выводы у них прямо противоположные, и притом в одинаковой степени неправильные.

Шамбелян говорит: «радикализация масс это в известном смысле барометр, который позволяет оценить состояние капитализма в данной стране. Если капитализм находится в состоянии упадка, массы по необходимости

радикализованы». (стр. 23). Отсюда Шамбелян делает тот вывод, что, так как стачки во Франции захватывают только периферию рабочих, так как металлургия и химическая промышленность мало ими затронуты, то значит капитализм не находится еще в упадке, ему предстоит еще сорок лет развития.

Что отвечает на это Вассар? Шамбелян, по его словам «не видит радикализации потому, что он не видит новых методов эксплуатации». (стр. 30). Вассар на все лады повторяет ту мысль, что, если признать усиление эксплуатации и понять, что оно будет развиваться и дальше, «то это самое обязывает ответить утвердительно на вопрос о радикализации масс». (стр. 31).

Когда читаешь эту полемику, то получаешь такое впечатление, будто два человека с завязанными глазами ловят друг друга. Неверно, будто кризис всегда и при всяких условиях радикализирует массы. Пример: Италия, Испания, Балканы и пр. Неверно, будто радикализм рабочего класса непременно соответствует периоду упадка капитализма. Пример: чартизм в Англии и пр. Как Шамбелян, так и Вассар одинаково игнорируют живую историю рабочего движения во имя мертвых шаблонов. Неверен и актуальный вывод Шамбеляна: из того факта, что стачки не захватили еще главную массу французских рабочих, никак нельзя выводить отрицание начавшейся радикализации; зато можно и должно вывести конкретную оценку размера, глубины и напряженности этой радикализации. Шамбелян видимо согласен в нее поверить лишь после того, как наступлением будет охвачен рабочий класс в целом. Но такие вожди, которые хотят жить на всем готовом, рабочему классу не нужны. Надо уметь видеть первые, хотя бы и слабые симптомы оживления, пока только в экономической сфере, приспособлять к ним свою тактику и внимательно следить за развитием процесса. При этом — ни на час не упускать из виду общий характер нашей эпохи, которая не раз уже показывала и еще покажет, что между первыми симптомами оживления и между бурным подъемом, создающим революционную ситуацию, нужно не сорок лет, а может быть в пять или даже в десять раз меньше.

Нисколько не лучше обстоит дело и у Вассара. Он просто устанавливает механический параллелизм эксплуатации и радикализации. Как можно отрицать радикализацию масс, возмущается Вассар, если изо дня в день растет эксплуатация? Это детская метафизика, совершенно в духе Бухарина. Радикализацию надо доказывать не дедукцией, а фактами. Довод Вассара можно без всякого труда превратить в его противоположность. Достаточно поставить такой вопрос: как могли бы капиталисты увеличивать изо дня в день эксплуатацию, если б на лицо была радикализацию масс? Именно отсутствие боевого духа масс и позволяет повышать эксплуатацию. Правда, такое рассуждение, без оговорок, было бы тоже односторонним, но все же оно гораздо ближе к жизни, чем построение Вассара.

Беда в том, что рост эксплуатации вовсе не при всяких условиях повышает боевой дух пролетариата. Так, при падающей конъюнктуре, при росте безработицы, особенно после проигранных боев, рост эксплуатации порождает не радикализацию масс, а, наоборот, упадок, духа, разброд и разложение. Мы видели это, например, в английской угольной промышленности сейчас же после стачки 1926 года. Мы видели это в еще большем масштабе в России, когда торгово-промышленный кризис 1907 года соединился с разгромом революции 1905 года. Если за последние два года рост эксплуатации привел во Франции к известному росту стачечного движения, то почву для этого создал как раз подъем экономической конъюнктуры, а не ее упадок.

Фальшивые революционеры боятся экономического процесса

Но «крайне-левые» оппортунисты, руководящие Коминтерном, боятся подъема, как экономической «контрреволюции». Их радикализм держится на слабеньком стерженьке. Ведь дальнейшее повышение торгово-промышленной конъюнктуры нанесло бы прежде всего смертельный толчок глупенькой теории «третьего и последнего периода». Эти люди выводят революционные перспективы не из реального процесса противоречий, а из фальшивых схем. И отсюда вытекает у них роковые ошибки тактики.

Совершенно невероятным может показаться тот факт, что на конгрессе Унитарных синдикатов во Франции официальные ораторы больше всего заботились о том, чтобы в самом печальном виде изобразить положение дел французского капитализма. Крикливо преувеличивая нынешний размах стачечного движения, французские сталинцы давали в то же время такую характеристику французского хозяйства, которая делает совершенно безнадежной корпоративную стачечную борьбу в дальнейшем. В их числе был и Вассар. Именно потому, что он, вместе с Монмуссо, отождествляет кризис капитализма с конъюнктурным кризисом и считает, на этот раз вместе с Шамбеляном, что конъюнктурный подъем может отодвинуть революцию в даль десятилетий, Вассар суеверно боится промышленного подъема. На страницах 21–24 своей брошюры он доказывает, что нынешнее торгово-промышленное оживление во Франции является «искусственным», и «скоропреходящим» (*momentane*). (стр. 24). На декабрьском национальном комитете Ришета старательно рисовал французскую текстильную промышленность, как уже находящуюся в состоянии кризиса. Если дело обстоит так, то это значит, что то стачечное движение, которое служит пока единственным проявлением радикализации, не имеет под собой экономической почвы или скоро потеряет ее. По меньшей мере забегая вперед, Вассар и Ришета, дают представителям капитала неоценимые аргументы против экономических уступок рабочим и, что еще важнее, дают решающие аргументы реформистам против экономических стачек, ибо, надо же понять, что из перспективы хронического кризиса ни в каком случае не может вытекать перспектива расширяющихся экономических боев.

Неужели эти горе-синдикалисты не следят за экономической печатью? Они, пожалуй, еще скажут, что печать капитала сознательно щеголяет оптимизмом. Но ведь речь идет у нас не о передовых статьях. Ведь печать публикует изо дня в день, из месяца в месяц, биржевые курсы, балансы банков, торговых и промышленных предприятий, железных дорог. Некоторые итоговые данные на этот счет уже приводились в N 12 «Ля Веритэ»*1. Свежие данные только подтверждают повышательную тенденцию французского хозяйства. Последний дошедший до меня экономический еженедельник «Ле Тан» (9 декабря) приносит, например, отчет об общем собрании акционеров металлургических предприятий Севера и Востока Франции. Мы не знаем, как господин Кювелетт относится к философии «третьего периода» и, признаться, не очень интересуемся этим. Но зато он хорошо подсчитывает барыши и распределяет дивиденды. Кювелетт подводит итог последнему году в следующей фразе: «положение внутреннего рынка было исключительно благоприятным». Эта формула не имеет, надеемся, ничего общего с платоническим оптимизмом, ибо она подкреплена 40 франками дивиденда на акцию, вместо 25 франков в прошлом году. Мы спрашиваем: имеет или не имеет этот факт значение для экономической борьбы рабочих металлургии? Казалось бы,

имеет. Но, увы, за спиною Кювелетта мы видим фигуру Вассара или Бреко, или самого Монмуссо, и слышим их голос: «не верьте словам этого капиталистического оптимиста, который не знает, что он по уши погружен в третий период!». Не, ясно ли, что если рабочий сделает ошибку и поверит в данном вопросе Монмуссо, а не Кювелетту, то он должен будет прийти к выводу, что у него нет никакой почвы под ногами для успешной борьбы, тем более наступательной.

/*1 Можно только приветствовать тот факт, что «Ля Веритэ» ввела у себя ежемесячные экономические обзоры. Первая статья (N 12) дает прекрасное обоснование необходимости экономической ориентировки для каждого коммуниста, как в партийной, так и в синдикальной работе. Именно оппозиционеры должны налечь на эту сторону дела, противопоставляя подлинно-революционную перспективу, основанную на марксистском анализе фактов и цифр, не только пустой трескотне Кашенов и Монмуссо, но и политической беллетристике кое-каких салонных господ, по ошибке зачисливших себя в ряды левой оппозиции.

Школа Монмуссо — если можно назвать школой такое учреждение, где людей отучают думать, читать и писать,— боится экономического подъема. Между тем, надо прямо сказать, что для французского рабочего класса по крайней мере дважды обновлявшего свой состав: за годы войны и после войны; включившего таким образом в свои ряды огромные количества молодежи, женщин, иностранцев, и еще далеко не переплавившего все это человеческое сырье в своем котле,— для французского рабочего класса дальнейшее развитие промышленного подъема создало бы незаменимую школу, сплотило бы его ряды, показало бы самым отсталым его слоям их значение и роль в капиталистической механике и тем самым подняло бы на новую высоту самочувствие класса в целом. Два-три года, даже один год широкой и успешной экономической борьбы перерождают пролетариат. После правильно использованного экономического подъема конъюнктурный кризис может дать серьезный толчок действительной политической радикализации масс.

Нельзя в то же время забывать, что войны и революции нашей эпохи вытекают не из конъюнктурных кризисов, а из дошедшего до крайней остроты противоречия между развитием производительных сил, с одной стороны, буржуазной собственностью и национальным государством, с другой. Империалистская война и Октябрьская революция уже успели показать напряженность этих противоречий. Новая роль Америки еще более углубила их. Чем более серьезный характер примет развитие производительных сил в той или другой стране, или в ряде стран, тем скорее новый подъем упрется в основные противоречия мирового хозяйства и тем скорее будет реакция — экономическая, политическая, внутренняя и международная. Серьезный промышленный подъем был бы во всех случаях не минусом, а огромным плюсом для французского коммунизма, создав могучий стачечный трамплин для политического наступления. Вывод: недостатка в революционных ситуациях не будет. Но зато очень может быть недостаток в умении их использовать.

Обеспечено ли, однако, дальнейшее повышательное развитие французской хозяйственной конъюнктуры? Этого мы не решаемся утверждать. Тут еще открыты разные возможности. Во всяком случае, это не зависит от нас. Но что зависит от нас и что мы обязаны сделать, это не закрывать глаз на факты во имя жалких схем, а брать ход экономического развития, каков он есть на деле, и выработать синдикальную тактику на основе реальных фактов. Мы говорим, в данном случае,

о тактике в отличие от стратегии, которая определяется, конечно, не конъюнктурными изменениями, а основными тенденциями развития. Но если тактика подчинена стратегии, то, с другой стороны, стратегия осуществляется только через тактику.

У Коминтерна, как и Профинтерна, тактика состоит из очередного зигзага, а стратегия — из механической суммы зигзагов. Вот почему пролетарский авангард терпит поражения за поражениями.

III.

Каковы признаки политической радикализации масс?

Вопрос о радикализации масс не исчерпывается, однако, стачечным движением. Как обстоит дело с политической борьбой? И прежде всего: как обстоит дело с численностью и влиянием коммунистической партии?

Замечательно, что, говоря о радикализации, официальные вожди с поразительным легкомыслием игнорируют вопрос о собственной партии. Между тем факт таков, что, начиная с 1925 года число членов партии падало из года в год: в 1925 г.— 83.000 членов; 1926 г.— 65.000; 1927—56.000; 1928—52.000; 1929—35.000. Мы пользуемся для прошлых лет официальными цифрами секретаря Коминтерна Пятницкого, для 1929 г.— цифрой Семара. Как бы ни относиться к этим, несомненно, крайне преувеличенным данным, они в совокупности своей с полной ясностью рисуют кривую упадка партии: за пять лет число членов упало более, чем в два раза. Нам скажут, что качество важнее количества, и что теперь в партии остались лишь вполне надежные коммунисты. Допустим. Но вопрос совсем не в этом. Процесс радикализации масс может состоять никак уж не в изоляции кадровых элементов, а, наоборот, в приливе к партии ненадежных и полуненадежных и в превращении их в надежных. Примирять политическую радикализацию масс с систематическим уменьшением числа членов партии можно лишь в том случае, если считать, что партия в жизни рабочего класса — то же, что пятое колесо в телеге. Факты сильнее слов: не только в течение 1925–1927 г. г., когда стачечная волна падала, но и в течение двух последних лет, когда число стачек стало возрастать, мы наблюдаем продолжающийся упадок партии.

На этом месте почтенные Панглоссы официального коммунизма перебьют нас указанием на «диспропорцию» между численностью партии и ее влиянием. Такова теперь вообще формула Коминтерна, созданная хитрецами для простаков. Однако, эта каноническая формула не только ничего не объясняет, но в известном отношении даже ухудшает дело. Опыт рабочего движения свидетельствует, что разница между радиусом организации и радиусом влияния партии — при прочих равных условиях — тем больше, чем менее революционный, чем более «парламентский» характер имеет данная партия. Оппортунизм гораздо легче, чем марксизм, опирается на распыленные массы. Это видно, в частности, из простого сравнения социалистической и коммунистической партий (*Накануне законодательных выборов 1924 г. президиум ИККИ в особом воззвании к французской коммунистической партии объявлял социалистическую партию Франции «несуществующей». Воззвание принадлежало легкокрылому Лозовскому. Напрасно я протестовал письмом на имя президиума против этой легкомысленной оценки, разъясняя, что реформистски-парламентская партия может сохранять очень*

широкое влияние при слабой организации и даже слабой прессе. Это было сочтено моим «пессимизмом». Результаты выборов 1924 г., как и весь дальнейший ход развития, не замедлили, разумеется, и на этот раз ниспровергнуть оптимистическое легкомыслие Зиновьева — Лозовского).

Систематический рост «диспропорции», при упадке числа организованных коммунистов, не мог бы, следовательно, означать ничего иного, кроме того, что французская коммунистическая партия из революционной превращается в парламентскую и муниципальную. Что этот процесс до некоторой степени имел место за последние годы, об этом неоспоримо свидетельствуют недавние «муниципальные» скандалы, за которыми, надо опасаться, еще последуют и «парламентские» скандалы. Тем не менее различие между коммунистической партией, в том виде, как она есть, и социалистической агентурой буржуазии остается громадным. Панглоссы руководства попросту клеветают на французскую коммунистическую партию, когда разглагольствуют о какой-то гигантской диспропорции между ее численностью и ее влиянием. Нетрудно показать, что и политическое влияние коммунизма — увы! — очень мало выросло за последние пять лет.

Для марксистов — не секрет, что парламентские и муниципальные выборы крайне искажены, и всегда в ущерб революционным тенденциям, преломляют действительные настроения угнетенных масс. Тем не менее динамика политического развития находит свое отражение и в парламентских выборах: это одна из причин, почему мы, марксисты, принимаем активное участие в парламентской и муниципальной борьбе. О чем же свидетельствуют цифры избирательной статистики?

На законодательных выборах 1924 года коммунистическая партия собрала **875.000** голосов, немногим меньше **10%** всех голосовавших. На выборах 1928 г. партия собрала несколько более миллиона голосов (**1.064** тысяч), что составляет **11 1/3%** поданных гол. Таким образом, за четыре года удельный вес партии в избирательном корпусе страны вырос на **1 1/3%**. Если б процесс шел тем же темпом и далее, то перспектива Шамбеляна насчет **30–40** лет «социального мира» могла бы оказаться слишком... революционной.

«Несуществовавшая» (по Зиновьеву — Лозовскому) уже в 1924 г. социалистическая партия собрала в 1928 г. почти **1.700.000** голосов, более **18%** общего числа, или в полтора с лишним раза более, чем коммунисты.

Результаты муниципальных выборов мало изменяют эту общую картину. В некоторых промышленных центрах (Париж, север), перемещение голосов от социалистов к коммунистам несомненно имело место. Так, в Париже удельный вес коммунистических голосов вырос за четыре года (1925–1929) с **18,9%** до **21,8%**, т.— е. на **3%**, тогда как доля социалистических голосов упала с **22,4%** до **18,1%**, т.— е. на **4%**. Симптоматическое значение такого рода фактов неоспоримо, но они сохраняют пока все же локальный характер, а главное, сильно скомпрометированы тем анти-революционным «муниципализмом», воплощением которого является Луи Селье и ему подобные мелкие буржуа. Вообще же муниципальные выборы, происходившие через год после законодательных, не внесли существенных изменений в результаты этих последних.

Другие показатели политической жизни также целиком говорят против, по меньшей мере, преждевременных утверждений насчет происшедшей будто бы за последние два года политической радикализации масс. Тираж **L'Humanite**, насколько мы знаем, за последние два года отнюдь не поднялся. Денежные сборы в пользу **L'Humanite** представляют несомненно отрадный факт. Но такие сборы мыслимы были бы, при демонстративной атаке реакции на газету, и год, и два, и три тому назад.

Первого августа — не надо об этом забывать ни на минуту — партия оказалась неспособной мобилизовать не только ту часть пролетариата, которая голосовала за нее, но хотя бы всех синдицированных рабочих. В Париже, по несомненно преувеличенному подсчету **L'Humanite**, в первоавгустовской демонстрации принимало участие около **50.000** рабочих, т. е. меньше половины синдицированных. В провинции дело обстояло несравненно хуже. Этот факт свидетельствует, отметим мимоходом, что «руководящая роль» Политбюро в среде унитарных чиновников вовсе не означает еще руководящей роли партии в среде синдицированных рабочих. А ведь последние составляют лишь маленькую дробь класса. Если революционный подъем есть столь неоспоримый факт, то куда же годится то партийное руководство, которое в острый момент советско-китайского конфликта не могло вывести на антимилитаристскую демонстрацию даже и четвертой (вернее сказать; даже и десятой) части своих избирателей в стране? Никто не требует от руководства компартии невозможного. Класс изнасиловать нельзя. Но что придало манифестации 1-го августа характер прямого краха, это чудовищная «диспропорция» между победоносными криками руководства и реальным откликом масс.

Что касается синдикальной организации, то она, судя по официальным цифрам, с запозданием на один год проделывало упадок партии. В **1926** г. унитарная конфедерация насчитывало **475.000** членов, в **1927–452.000**, в **1928** году — **375.000**. Потеря профессиональными союзами **100.000** членов при росте стачечной борьбы в стране представляет неоспоримое доказательство того, что унитарная конфедерация (**C. G. T. U.**) не отражает основных процессов, происходящих в области корпоративно-экономической борьбы масс, а лишь, как увеличенная тень партии, проделывает с некоторым запозданием упадок последней.

Приведенные в настоящем очерке данные с удвоенной силой подтверждают те выводы, которые мы, в полуаприорном порядке, сделали в первой статье из анализа цифр стачечной борьбы. Напомним их еще раз. Годы **1919–1920** были кульминационными годами пролетарской борьбы во Франции. После того начался отлив, который в экономической области стал после шести лет сменяться новым, пока еще очень медленным приливом; в политической же области отлив или застой продолжается, по крайней мере, в главной массе пролетариата, еще и сейчас. Неоспоримым является, таким образом, пробуждение активности известных слоев пролетариата в области экономической борьбы. Но и этот процесс проходит пока еще через свою первую стадию, когда в борьбу вовлечены преимущественно предприятия легкой промышленности, с явным перевесом неорганизованных рабочих над организованными и со значительным удельным весом иностранных рабочих.

Толчком к стачечной борьбе явился подъем экономической конъюнктуры при одновременном вздорожании жизни. На первых своих стадиях усиление корпоративной борьбы вообще не сопровождается обыкновенно революционным

подъемом. Нет этого и сейчас. Наоборот, экономический подъем на известное время может даже ослабить политические интересы рабочих, по крайней мере, известных их слоев.

Если принять далее во внимание, что французская промышленность уже в течение двух лет проходит через стадию подъема; что о безработице в основных отраслях промышленности нет и речи; а в некоторых отраслях наблюдается даже острый недостаток рабочих рук, то нетрудно прийти к выводу, что при этих исключительно благоприятных для синдикальной борьбы условиях, нынешний размах стачечного движения должен быть признан крайне умеренным. Основными признаками этой умеренности являются: остающаяся еще от прошлого периода депрессия в массах, и медленность самого промышленного подъема.

Каковы ближайшие перспективы?

Несмотря на ритмичность конъюнктурных изменений, практически предвидеть смену фаз цикла можно лишь очень приблизительно. Сказанное относится и к довоенному капитализму, а в настоящую эпоху трудности конъюнктурного предвидения возросли во много раз. Мировой рынок еще не пришел, после потрясений войны, к установлению единой конъюнктуры, хотя и очень приблизился к ней по сравнению с первым послевоенным пятилетием. Вот почему сейчас нужно быть вдвойне осторожным при попытке определить заранее очередное изменение мировой конъюнктуры.

В настоящий момент возможными представляются следующие основные варианты:

1. Нью-йоркский биржевой кризис оказывается предтечей торгово-промышленного кризиса Соединенных Штатов, который уже в ближайшие месяцы достигает большой глубины. Капитализм Соединенных Штатов оказывается вынужден сделать решительный сдвиг в сторону внешнего рынка. Открывается эпоха бешеной конкуренции. Американские товары прокладывают себе дорогу по ценам ниже себестоимости. Европейские товары отступают перед этим необузданным натиском. Европа вступает в кризис позже Соединенных Штатов, но зато европейский кризис принимает чрезвычайную остроту.

2. Биржевой крах не вызывает непосредственно торгово-промышленного кризиса, а имеет своим последствием лишь временную депрессию. Удар по биржевой спекуляции приводит к более правильному соотношению между курсом бумажных ценностей и торгово-промышленной деятельностью, как и между этой последней и реальной покупательной силой рынка. После депрессии и полосы приспособления торгово-промышленная конъюнктура снова поднимается вверх, хотя и не так круто, как за истекший период. Этот вариант не исключен. Резервы американского капитализма велики. Не последнее место среди них занимает государственный бюджет (заказы, субсидии и пр.).

3. Отлив средств от американской спекуляции оплодотворяет торгово-промышленную деятельность в Европе. Дальнейшая судьба этого оживления будет, в свою очередь, зависеть, как от чисто европейских, так и от мировых причин. Даже и в случае острого экономического кризиса в Соединенных Штатах, в Европе может еще продержаться в течение известного времени подъем, так как немислимо, все же, представить себе, чтобы капитализм Соединенных Штатов мог в течение

нескольких коротких месяцев перестроиться для решительного наступления на мировом рынке.

4. Наконец, действительный ход развития может пройти между намеченными выше вариантами и дать равнодействующую в виде колеблющейся, прерывистой кривой с вялыми уклонами вверх или вниз.

Развитие рабочего, особенно же стачечного движения во всей истории капитализма было тесно связано с развитием конъюнктурных циклов. Не нужно, конечно, представлять себе эту связь механически. При известных условиях, выходящих за пределы торгово-промышленного цикла (резкие изменения мировой хозяйственной или политической обстановки, острые социальные кризисы, войны и революции), в стачечной волне находят свое выражение не текущие требования масс, вызванные данной конъюнктурой, но более глубокие их исторические задачи революционного характера. Так, например, послевоенные стачки во Франции имели не конъюнктурный характер, а выражали глубокий кризис капиталистического общества в целом. Если под углом зрения этих критериев подойти к нынешнему стачечному оживлению во Франции, то оно пока представится нам прежде всего, как движение конъюнктурного характера. От дальнейшего движения рынка, от чередования конъюнктурных фаз, от их полноты и напряженности, ход и темп рабочего движения будет зависеть самым непосредственным образом. Тем более недопустимо в такой переломный момент, какой мы переживаем сейчас, провозглашать «третий период» совершенно безотносительно к реальному ходу экономической жизни.

Незачем пояснять, что даже и в случае возобновления благоприятной конъюнктуры в Америке и развития торгово-промышленного подъема в Европе, наступление нового кризиса совершенно неизбежно. Можно не сомневаться, что нынешние руководители, в момент действительного наступления кризиса, провозгласят, что их «прогноз» вполне оправдался, что стабилизация капитализма доказала свою неустойчивость, и что классовая борьба приняла более острый характер. Ясно, однако, что такого рода «прогнозы» очень дешево стоят. Кто каждый день стал бы предсказывать солнечное затмение, тот в конце концов дождется исполнения своего предсказания. Но вряд ли такого прорицателя мы сочтем серьезным астрономом. Задача коммунистов не в том, чтоб каждый день предсказывать кризисы, революции и войны, а в том, чтобы готовить массы к войнам и революциям, трезво оценивая обстановку, которая слагается между войнами и революциями. Надо предвидеть неизбежность кризиса после подъема, надо предупреждать о будущем кризисе массы. Но подготовить их к кризису можно тем лучше, чем полнее массы под правильным руководством используют период подъема.

На недавнем (декабрьском) пленуме национального комитета Унитарной Конфедерации были высказаны также и вполне здравые мысли. Так, Клявери и Дорель жаловались на то, что последний унитарный конгресс (май 1929 г.) обошел вопрос о корпоративных требованиях рабочих масс. Ораторы, однако, не задумывались над тем, как же могло случиться, что синдикальный конгресс прошел мимо того, что должно составить его первую и наиболее неотложную задачу? В порядке так называемой «самокритики» названные ораторы осудили на этот раз унитарное руководство более уничтожающе, чем это когда-нибудь делала оппозиция.

Однако, и сам Дорель, с своей стороны, внес во славу «третьего периода», немалую путаницу в связи с вопросом о политическом характере стачек. Дорель требует, чтобы революционные синдикалисты, т. — е. коммунисты, — других революционных синдикалистов теперь в природе нет, — во время всякой стачки вскрывали перед рабочими зависимость отдельных проявлений эксплуатации от всего современного режима, а следовательно и связь между частными требованиями рабочих и задачами пролетарской революции. Это — азбучное для марксиста требование. Но этим вовсе не определяется характер стачки, как таковой. Под политической стачкой надо понимать не такую стачку, во время которой коммунисты ведут политическую агитацию, а такую стачку, в которой рабочие разных цехов и предприятий ведут борьбу за определенные политические цели. Революционная агитация на основе стачек есть обязанность коммунистов при всяких условиях. Участие же рабочих в политических, т. — е. в революционных стачках, представляет собою одну из наиболее острых форм борьбы и осуществляется лишь при исключительных условиях, которых ни партия, ни синдикаты не могут искусственно вызвать по своему желанию.

Отождествление корпоративных стачек с политическими создает хаос, который явно мешает синдикальным вождям правильно подойти к экономическим стачкам, к их подготовке и к выработке целесообразной программы рабочих требований.

Еще хуже обстоит дело с общей экономической ориентировкой. Философия «третьего периода» требует во что бы то ни стало и немедленно экономического кризиса. Наши мудрые синдикалисты закрывают поэтому глаза на систематическое улучшение экономической конъюнктуры во Франции в течение последних двух лет. Между тем, без конкретной оценки конъюнктуры нельзя, опять-таки, выработать правильные требования и бороться за них с успехом. Клавери и Дорель хорошо сделали бы, если бы продумали вопрос до конца.

Если экономический подъем во Франции продлится еще год-два (что не исключено), то в порядке ближайшего дня будет стоять прежде всего развитие и углубление экономической борьбы. Суметь приспособиться к такой обстановке задача не только синдикатов, но и партии. Недостаточно провозглашать отвлеченное право коммунизма на руководящую роль; надо завоевать ее на деле, притом не в узких рамках синдикального аппарата, а на всем поле классово-борьбы. Анархической и тред-юнионистской формуле автономии синдикатов партия должна противопоставить серьезную теоретическую и политическую помощь синдикатам, облегчая им правильную ориентировку в вопросах экономического и политического развития, а следовательно и выработку правильных требований и методов борьбы.

Неизбежная смена подъема кризисом изменит задачи, вырвав почву из-под успешной экономической борьбы. Выше уже сказано, что наступление кризиса послужит, по всей вероятности, толчком для политической активности масс. Сила этого толчка зависит непосредственно от двух причин: от глубины и длительности предшествовавшего подъема и от остроты наступившего кризиса. Чем резче и глубже окажется перелом, тем резче будет реакция масс. Причины этого не трудно понять. Силою инерции стачки получают обычно наибольший размах к тому моменту, когда экономический подъем начинает переходить в депрессию. Рабочие с разбега как бы оказываются перед стеной. Экономическими стачками дальше можно достигнуть немногого. Капиталисты при начавшейся депрессии легко прибегают к локауту. Естественно, если повышенное классовое самочувствие

рабочих начинает искать для себя других путей. Каких именно? Это зависит уже не только от конъюнктурных условий, но от всей обстановки в стране.

Утверждать заранее, что ближайший конъюнктурный кризис создаст во Франции непосредственную революционную обстановку, сейчас нет данных. При сочетании ряда условий, выходящих за пределы конъюнктурного кризиса, это вполне возможно. Но на этот счет допустимы пока только теоретические предположения. Выдвигать сегодня лозунг всеобщей политической стачки, как актуальный на том основании, что будущий кризис может толкнуть массы на путь революционной борьбы, значит пытаться утопить сегодняшний голод завтрашним обедом, которого, к тому же, может не оказаться и завтра. Когда Молотов заявлял на X-м пленуме, что всеобщая стачка уже практически встала во Франции в порядок дня, то он лишний раз показал только, что не знает ни Франции, ни порядка, ни дня. Анархисты и синдикалисты немало поработали над тем, чтоб скомпрометировать самую идею всеобщей стачки во Франции. Официальный коммунизм идет как будто по тому же пути, пытаясь систематическую революционную работу заменить козлиными прыжками авантюризма.

Прилив политической активности масс, прежде чем принять более решительные формы, может в течение известного и притом продолжительного времени выражаться в большей посещаемости собраний, в более широком распространении коммунистической печати, в росте избирательных голосов, в увеличении числа членов партии и пр. Может ли руководство взять заранее чисто-априорную ориентировку на бурный темп развития во что бы то ни стало? Нет, оно должно иметь руки развязанными и для одного и для другого темпа. Только при этом условии партия, не уклоняясь от революционного направления, пойдет в ногу с классом.

По поводу развитых выше соображений мне уже слышится ласкающий голос жестяной трещотки, обвиняющий меня в «экономизме», с одной стороны, в капиталистическом оптимизме, с другой, и само собой разумеется, в социал-демократическом уклоне. Для Молотовых все, чего они не могут постигнуть, т. е. очень многое, относится к области социал-демократического уклона, как для дикарей **99/100** мироздания относится к области деятельности злых духов. Вслед за Молотовыми Семары и Монмуссо будут нас поучать насчет того, что вопрос не исчерпывается колебаниями конъюнктуры, что есть многие другие факторы,— например, рационализация и надвигающаяся война. Эти люди тем охотнее говорят о «многих» факторах, что не способны объяснить ни одного из них. Несомненно, ответим мы им, война опрокинула бы всю перспективу и открыла бы, так сказать, новое летоисчисление. Но, во-первых, мы сегодня еще не знаем ни того, когда придет война, ни через какие ворота она придет. Во-вторых, для того, чтобы вступить в войну с открытыми глазами, надо внимательно изучать все изгибы того пути, который ведет к ней. Война не падает с неба. Вопрос о войне и ее сроках теснейшим образом связан с вопросом о процессах мирового рынка.

IV.

Искусство ориентировки

Искусство революционного руководства есть, в первую голову, искусство правильной политической ориентировки. Коммунизм при всяких условиях

подготавливает пролетарский авангард, а через него рабочий класс в целом, к революционному завоеванию власти. Но он делает это по разному в разных областях рабочего движения и в разные периоды.

Одним из важнейших элементов ориентировки является определение настроения масс, их активности и готовности к борьбе. Настроение масс, однако, не падает с неба. Оно изменяется под влиянием особых законов массовой психологии, которые приводятся в движение объективными социальными условиями. Политическое состояние классов поддается в известных пределах количественному определению (тираж печати, посещаемость собраний, демонстрации, стачки, выборы и проч., и проч.). Чтобы понять динамику процесса, нужно установить, в какую сторону изменяется настроение рабочего класса и под влиянием каких причин. Комбинируя субъективные данные с объективными, можно до некоторой степени получить перспективу движения, т.— е. научно-обоснованное предвидение, без которого вообще немислима серьезная революционная борьба. Но предвидение в политике имеет характер не жесткой схемы, а рабочей гипотезы. Направляя борьбу в ту или другую сторону, необходимо внимательно следить за изменением объективных и субъективных элементов движения, чтобы своевременно вносить в тактику соответственные поправки. Хотя действительное развитие борьбы никогда не совпадает полностью с прогнозом, но это не освобождает нас от необходимости прибегать к политическому предвидению. Нужно лишь не опьяняться при этом готовыми схемами, а непрерывно проверять курс исторического процесса и сообразоваться со всеми его показаниями.

Правящий ныне Коминтерном центризм, как промежуточное, идейно паразитическое течение, не способен к историческому прогнозу по самой своей природе. В советской республике центризм получил преобладание в условиях реакции против Октября, на спуске революции, когда эмпиризм и эклектика составили его преимущество, позволяя ему плыть по течению. А так как при этом заранее было объявлено, что ход развития автоматически ведет к социализму в отдельной стране, то это само по себе достаточно избавляло центризм от необходимости мировой ориентировки.

Но коммунистические партии в капиталистических странах, которым еще только приходится бороться за власть или готовиться к такой борьбе, не могут жить без предвидения. Правильная повседневная ориентировка есть для них вопрос жизни и смерти. Но они не учатся этому важнейшему искусству, потому что вынуждены плясать и приседать под команду сталинской бюрократии. Бюрократический центризм, который способен довольно долго жить на проценты с капитала уже завоеванной пролетариатом власти, совершенно неспособен готовить молодые партии к завоеванию власти. В этом и состоит главное и самое грозное противоречие нынешнего Коминтерна.

История центристского руководства есть история роковых ошибок ориентировки. После того, как эпигоны упустили революционную ситуацию в Германии в **1923** году, что глубоко изменило всю обстановку в Европе, Коминтерн прошел через три этапа роковых ошибок.

1924–1925 г. г. были периодом ультралевых ошибок: руководство видело непосредственную революционную ситуацию впереди, тогда, как она была уже

позади. В этот период нас, марксистов-ленинцев, называли «правыми» и «ликвидаторами».

1925–1927 г. г. были периодом открытого оппортунизма, совпавшего с бурным подъемом рабочего движения в Англии и с революцией в Китае. В этот период нас называли не иначе, как «ультралевыми».

Наконец, в **1928** году провозглашается третий период, который воспроизводит зиновьевские ошибки **1924–1925** г. на более высокой исторической основе. «Третий период» еще не завершился: наоборот, он продолжает свирепствовать, опустошая организации и головы.

Все три периода характеризуются, и не случайно, систематическим снижением руководства. В первый период: Зиновьев, Бухарин, Сталин. Во второй период: Сталин, Бухарин. В третий период: Сталин и... Молотов. В этом видна закономерность.

Присмотримся ближе к руководству и к теории «третьего периода».

Молотов «вступил обоими ногами»

Пленум ИККИ, заседавший через год после VI-го конгресса (июль **1929** года) не мог просто повторить то, что сказал VI-й конгресс, а должен был взять более высокую ноту. Уже накануне пленума теоретический орган ВКП писал:

«Во всем капиталистическом мире поднимается стачечная волна. Эта волна проходит как в высоко развитых империалистических странах, так и в отсталых колониях, временами и кое-где переплетаясь с элементами упорной революционной борьбы и гражданской войны. В борьбу втягиваются и активно выступают массы неорганизованных... Рост недовольства и полевления масс захватывает и миллионные толщи с.— х. рабочих и угнетенного крестьянства». («Большевик», июнь, N 12, стр. 9.).

Картина не оставляет места никаким сомнениям. Если стачечная волна проходит действительно по всему миру, втягивая даже «миллионные толщи сельскохозяйственных рабочих и угнетенного крестьянства» и переплетаясь с «революционной борьбой и гражданской войной, то ясно: революционная ситуация налицо, и задача прямой борьбы за власть становится в порядок дня. Называть ли такую обстановку „третьим периодом“ или же оставить ее нenumerованной, на этот счет мы согласились бы не спорить.

Камертон на X пленуме оказался, как известно, в руках маэстро Молотова. В своей программной речи перед руководителями Коминтерна Молотов заявил: «Надо быть тупым оппортунистом (!), надо быть жалким либералом (!), чтобы, следя за фактами мирового рабочего движения, не видеть того, что мы обеими ногами (!) вступили в полосу крупнейших революционных событий международного значения» («Правда», N 177). «Обеими ногами»,— какая мощь аргументации!

Соответственно с молотовским камертоном «Большевик», теоретический орган ВКП, писал в августе **1929** г.:

«На основании анализа борьбы рабочего класса в главнейших капиталистических странах X пленум констатировал развитие и углубление процессов полевления и революционизирования масс, перерастающего уже в настоящее время в начало революционного подъема (по крайней мере, в таких странах, как Германия, Франция, Польша)». (N 15, стр. 4).

Сомнений быть не может: если не головою, то ногами Молотов окончательно определил революционный характер переживаемого периода. Так как никто не хочет называться ни «тупым оппортунистом», ни «жалким либералом», то аргументация Молотова сразу оказалась застрахованной от критики пленума. Не утруждая себя ни экономическим, ни политическим анализом, по причинам, которые надо признать вполне извинительными, Молотов ограничился коротеньким каталогом стачек в разных странах (Рур, Лодзь, Север Франции, Бомбей и проч.), в качестве единственного доказательства того, что «мы вступили в полосу крупнейших революционных событий». Вот так создаются исторические периоды!

Центральным комитетам и газетам национальных секций оставалось в дальнейшем только заботиться о том, чтоб их собственные ноги, опережая по возможности их головы, погружались как можно скорее в «крупнейшие революционные события».

Но разве же не поразителен тот факт, что революционная ситуация наступает одновременно во всем мире, в метрополиях и в колониях, совершенно игнорируя на этот раз «закон неравномерного развития», т.— е. тот единственный исторический закон, который, по крайней мере по имени, известен Сталину? На самом деле о такой единовременности нет и речи. Анализ мировой обстановки заменен, как мы только что видели, суммированием разрозненных конфликтов в разных странах и по разным поводам. Из европейских стран одна Австрия, пожалуй, проходила за последний год через кризис, который, при наличии влиятельной коммунистической партии, мог бы принять непосредственное революционное развитие. Но Австрия как раз и не названа. Названы Франция, Германия и Польша, как «те страны, которые — по Молотову — находятся теперь на передовых позициях революционного подъема». В ряде статей мы рассмотрели стачечную волну во Франции, чтоб определить ее действительное место в развитии пролетариата и страны. Мы надеемся с такой же подробностью проанализировать в ближайшее время основные показатели, характеризующие борьбу немецкого рабочего класса. Но уже те выводы, к которым мы пришли на примере Франции, включенной X-м пленумом в список трех наиболее революционных стран Европы, показывают, что анализ Молотова представляет сочетание трех элементов: теоретического невежества, политической безответственности и бюрократического авантюризма. Однако, эти элементы характеризуют не «третий период», а центристскую бюрократию — во все периоды.

Вызваны ли экономические стачки кризисом или подъемом?

«В чем заключается основа этого революционного подъема?» делает Молотов попытку задуматься, и тут же предъясняет плоды своих размышлений: «В основе подъема не может не лежать нарастание общего кризиса капитализма и обострение основных противоречий капиталистической системы».

Кто не согласен, тот «жалкий либерал». Но где это сказано, что в основе экономических стачек «не может не лежать» кризис? Вместо того, чтобы проанализировать реальную экономическую обстановку и найти на ее основе правильное место для нынешнего стачечного движения, Молотов идет методом от обратного: насчитав полдюжины стачек, он умозаключает о «нарастании» капиталистического кризиса и — попадает пальцем в небо.

Подъем стачечного движения в ряде стран вызван, как мы уже знаем, улучшением экономической конъюнктуры в течение последних двух лет. Прежде всего это относится к Франции. Правда, промышленное оживление, далеко не общее для всей Европы, оставалось до сих пор и во Франции очень сдержанным, причем завтрашний день его совсем не обеспечен. Но для жизни пролетариата не проходит бесследно даже небольшой поворот конъюнктуры в ту или другую сторону. Если с заводов продолжают еженедельно увольнять рабочих, то у работающих будет совсем не то самочувствие, какое порождается у них привлечением новых рабочих, хотя бы и в ограниченном числе. Не меньшее влияние конъюнктура оказывает и на правящие классы. В период торгово-промышленного оживления, питающего всегда надежды на еще большее оживление в дальнейшем, капиталисты склонны к смягчению международных противоречий, именно для того, чтоб обеспечить развитие благоприятной конъюнктуры. Это и есть «дух Локарно и Женевы».

В недавнем прошлом мы имели грандиозную иллюстрацию взаимодействия конъюнктурных факторов и основных.

1896–1913 г. г. были, с небольшим перерывом, годами бурного торгово-промышленного подъема. В **1913** году он сменился депрессией, которая явно для всех посвященных открывала длительный и затяжной кризис. Угрожающий перелом конъюнктуры, после периода небывалого расцвета, породил крайне нервное настроение господствующих классов и послужил непосредственным толчком к войне. Конечно, империалистская война выросла из основных противоречий капитализма. Это общее место известно даже Молотову. Но на пути к войне был целый ряд этапов, когда противоречия то обострялись, то смягчались. То же самое относится и к классовой борьбе рабочих.

В довоенную эпоху, как основные, так и конъюнктурные процессы развивались гораздо планомернее, чем в нынешнюю эпоху резких поворотов и крутых переломов, когда второстепенные сравнительно колебания в экономике порождают огромные скачки в политике. Но отсюда вытекает вовсе не то, что можно закрыть глаза на реальный ход развития и повторять три заклинания: «противоречия обостряются», «рабочие массы левеют», «война приближается» — с каждым днем, с каждым днем, с каждым днем... Если стратегическая наша линия определяется неизбежностью в последнем счете роста противоречий и революционной радикализации масс, то тактика наша, служащая этой стратегии, исходит из реальной оценки каждого периода, каждого этапа, каждого момента, который может характеризоваться и временным смягчением противоречий, поправлением масс, изменением соотношения сил в пользу буржуазии, и проч. Если бы массы непрерывно левели, то руководить ими мог бы каждый дурак. К счастью или несчастью дело обстоит сложнее, особенно в нынешней неустойчивой, шаткой, «капризной» обстановке.

Так называемая генеральная линия есть фраза, если не сочетать ее с каждым очередным изломом национальных и международных условий. Как же поступает руководство Коминтерна? Вместо того, чтобы оценивать обстановку во всей ее конкретности, оно на каждом новом этапе расшибает себе лоб и затем дает удовлетворение массам за свое очередное поражение сменой и даже исключением дежурных центральных комитетов национальных секций. Мы настойчиво советуем Кашенам и Монмуссо, Тельманам и всем Реммеле заранее подготовиться к роли очистительных жертв за теорию и практику третьего периода. Это произойдет тогда, когда Сталину придется поправлять Молотова — разумеется, задним числом.

Подъем СССР, как фактор «третьего периода»

Первую причину «революционного подъема» последних двух лет Молотов видит в экономическом кризисе, который он попутно открыл дедуктивным путем. Вторую причину он усматривает в хозяйственных успехах СССР и даже обвиняет пленум ИККИ в том, что тот недостаточно оценил революционизирующее действие пятилетки. Что хозяйственные успехи советской республики имеют гигантское значение для мирового рабочего движения, не требует доказательств. Но отсюда ни в каком случае не вытекает, что пятилетка способна в априорном порядке обусловить революционный подъем в Европе и во всем мире. Широкие рабочие массы не живут перспективными цифрами советских планов. Но даже, если, оставив в стороне пятилетку, взять цифры фактических успехов индустриализации, то все же никак нельзя видеть в них причину стачки портовых рабочих Франции или текстильщиков Индии. Миллионы рабочих руководствуются в своих действиях условиями, которые их непосредственно окружают, не говоря уже о том, что об успехах и неудачах советского хозяйства подавляющее большинство рабочих узнает из лживых статей буржуазной и социал-демократической печати. Наконец, и это важнее всего остального, непосредственно захватить широкие круги иностранных рабочих могли бы не абстрактные цифры статистики, а реальное и значительное улучшение положения рабочих масс в СССР. Ясно, что условия жестоких продовольственных затруднений в Москве и Ленинграде не могут заражать революционным порывом десятки миллионов рабочих капиталистического мира. Факт, к несчастью, таков, что на торжественный доклад последней французской делегации, вернувшейся из СССР, пришла какая-нибудь сотня рабочих. Сотня рабочих — на весь Париж! Это грозное предупреждение, над которым крикливые и чванные бюрократы не считают, однако, нужным задуматься.

Лозунг всеобщей стачки

Вступив столь благополучно в «крупнейшие революционные события», Молотов пятью минутами спустя возвращается к тем же стачкам и неожиданно заявляет: «Однако, эти выступления против капитала и прислуживающего ему реформизма все еще носят разрозненный и раздробленный характер».

Казалось бы, что разрозненные и раздробленные стачки, вытекающие в разных странах непосредственно из разных причин, но в общем возникшие — из конъюнктурного подъема мирового рынка, ни в каком случае еще не являются — именно потому, что они разрознены и раздроблены — «крупнейшими революционными событиями». Но Молотов хочет разрозненные стачки объединить. Похвальная задача. Но пока только еще задача, а не достигнутая ступень.

Объединить разрозненные забастовки — поучает Молотов,— можно путем массовых политических стачек. Да, при наличии необходимых условий рабочий класс может быть объединен революционной массовой стачкой. Проблема массовой стачки и есть, по Молотову, «то новое, то основное и самое характерное, что стоит в центре тактических задач компартий в данный момент». «А это значит,— продолжает наш стратег,— что мы близко подошли (на этот раз только „подошли“! Л. Т.) к новым, высшим формам классовой борьбы». И чтоб окончательно утвердить X-ый пленум в религии третьего периода, Молотов прибавляет: «лозунга массовой политической стачки мы не могли бы выдвинуть, если бы не находились в полосе подъема». Это развитие мысли поистине беспримерно! Сперва обе стратегические ноги вступили в крупнейшие революционные события, потом оказалось, что перед теоретической головой только еще стоит задача всеобщей стачки — не сама всеобщая стачка, а только лозунг ее. А отсюда уже, методом от обратного, делается вывод, что мы «близко подошли к высшим формам классовой борьбы». Ибо, видите ли, если бы мы не подошли, то как мог бы Молотов выдвинуть лозунг всеобщей стачки? Вся конструкция держится на честном слове новоявленного стратега. И полномочные представители партий почтительно слушают самоуверенного тупицу и на поименной переключке отвечают «точно так»!

Во всяком случае мы узнаем, что все страны, от Великобритании до Китая,— с Францией, Германией и Польшей во главе,— подошли сейчас к лозунгу всеобщей стачки. Мы окончательно убеждаемся, что от несчастного закона неравномерного развития не осталось и следа. С этим мы бы еще кое-как примирились, если б нам сказали, во имя каких политических целей выдвигается в каждой стране лозунг всеобщей стачки. Нельзя ведь все-таки забывать, что рабочие вовсе не питают склонности ко всеобщей стачке ради всеобщей стачки. На непонимании этого сломил себе голову анархо-синдикализм. Всеобщая стачка может иногда иметь характер демонстрации протеста. Такого рода стачка осуществима, вообще говоря, в тех случаях, когда какое-нибудь яркое, иногда неожиданное событие потрясает воображение масс и порождает потребность единодушного отпора. Но стачка-демонстрация не есть еще в подлинном смысле революционная политическая стачка, а только одна из подготовительных репетиций к ней. Что касается революционной политической стачки, в собственном смысле слова, то она представляет собою так сказать предпоследний акт в борьбе пролетариата за власть. Парализуя нормальные функции капиталистического государства, всеобщая стачка ребром ставит вопрос: кто хозяин в доме? Этот вопрос разрешается не иначе, как вооруженной силой. Поэтому революционная стачка, которая не ведет к вооруженному восстанию, заканчивается в конце концов поражением пролетариата. Если, таким образом, слова Молотова насчет революционных политических стачек и «высших форм борьбы» имеют какой-либо смысл, то лишь такой: единовременно или почти единовременно во всем мире, революционная ситуация достигла такой зрелости, что ставит коммунистические партии Запада и Востока, Севера и Юга перед всеобщей стачкой, как непосредственным прологом вооруженного восстания.

Достаточно точно формулировать молотовскую стратегию «третьего периода», чтобы тем самым обнаружить ее абсурдность.

«Завоевание улицы»

Наряду со всеобщей стачкой поставлена задача «завоевания улицы». Дело идет при этом — по крайней мере, на словах — не об отстаивании одного из «демократических» прав, попираемого буржуазией и социал-демократией, а об осуществлении «права» пролетариата — на баррикады. Именно так по существу истолковывали «завоевание улицы» бесчисленные статьи официальной коммунистической печати непосредственно после июльского пленума. Не нам отрицать право пролетариата на «завоевание улицы» посредством баррикад. Но нужно ясно понимать, что это значит. Прежде всего нужно отдать себе отчет в том, что пролетариат не идет на баррикады ради баррикад, как он не участвует в стачке ради стачки. Нужны непосредственные политические цели, связывающие воедино миллионы и дающие незыблемую опору авангарду. Так ставят вопрос революционеры. Совсем по иному подходят к делу взбесившиеся оппортунисты.

Для революционного «завоевания улицы» — искусство ради искусства — они назначают особые дни. Последним изобретением этого рода явился, как известно, день 1-го августа. Простые смертные недоумевали: зачем 1-ое августа, провал которого предрекался провалом 1-го мая? Как зачем? — отвечали с возмущением официальные стратеги: для завоевания улицы. Что же надлежит собственно под этим понимать: завоевание тротуара или мостовой? Мы до сих пор думали, что задачей революционной партии является завоевание масс, и что та политика, которая умеет во все большем числе и все более активно мобилизовать массы, неизбежно раскрывает перед собою улицы, как бы их не загораживала и не запирала полиция. Борьба за улицу не может быть самостоятельной задачей, отделенной от политической борьбы масс и подчиненной канцелярскому расписанию Молотова.

А главное, историю нельзя обмануть. Задача не в том, чтоб казаться сильнее, а в том, чтоб стать сильнее. Крикливый маскарад не поможет. Когда «третьего периода» нет, его можно, разумеется, выдумать. Можно сфабриковать десятки резолюций. Но сделать на улицах третий период по календарю — невозможно. На этом пути компартии найдут только поражения, в одних случаях трагические, чаще же — просто глупые и унижительные.

«Никаких соглашений с реформистами»

Но есть еще один важный тактический вывод из «третьего периода», который выражается Молотовым в таких словах: «Теперь больше, чем когда бы то ни было, тактика коалиций между революционными организациями и организациями реформистов является неприемлемой и вредной». («Правда», ном. 177, 4 августа 1929 г.).

Соглашения с реформистами недопустимы теперь «больше, чем когда бы то ни было». Значит они недопустимы были и раньше? Как же тогда объяснить всю политику 1826–1828 годов? И почему собственно соглашения с реформистами, недопустимые вообще, стали особенно недопустимы теперь? Потому что, объясняют нам, мы вступили в полосу революционного подъема. Но мы не можем не вспомнить, что заключение блока с Генеральным Советом британских тред-юнионов мотивировалось в свое время именно тем, что Англия вступила в период революционного подъема, и что радикализация британских рабочих масс толкает реформистов влево. По какому же случаю вчерашняя тактическая премудрость сталинизма поставлена на голову? Тщетно стали бы мы искать разгадки. Просто эмпирики централизма обожглись на опыте англо-русского комитета и крепкой

клятвой хотят оградить себя от скандалов в будущем. Но клятва не поможет, ибо наши стратеги до сих пор не поняли уроков англо-русского комитета.

Ошибка состояла не в заключении эпизодического соглашения с Генеральным Советом, который действительно «левел» в тот период (1926 г.) под давлением масс. Первая, исходная ошибка была в том, что блок был заключен не на конкретных практических и ясных рабочему классу задачах, а на общих пацифистских фразах и лживо-дипломатических формулах. Главная же ошибка, выросшая в гигантское историческое преступление, заключалась в том, что наши стратеги не сумели немедленно и открыто порвать с Генеральным Советом, когда тот повернул свое оружие против всеобщей стачки, т. — е. из ненадежного полусоюзника превратился в открытого врага.

Влияние радикализации масс на реформистов совершенно однородно с тем влиянием, какое развитие буржуазной революции оказывает на либералов. На первых этапах движения масс реформисты передвигаются влево, надеясь таким образом удержать в своих руках руководство. Когда же движение переливается за черту реформ и требует от вождей прямого разрыва с буржуазией, реформисты в большинстве своем резко меняют тон и из трусливых попутчиков массы превращаются в штрейкбрехеров, врагов, открытых изменников. При этом, однако, некоторая их часть, состоящая не из одних только лучших элементов, перебрасывается в лагерь революции. Эпизодическое соглашение с реформистами — в тот момент, когда они, под влиянием всей обстановки, вынуждены бывают сделать шаг или полшага вперед, — может оказаться неизбежно. Но оно заранее предполагает, что коммунисты готовы беспощадно разорвать с реформистами в тот момент, когда те сделают скачек назад. Реформисты не потому предатели, что они в каждый данный момент и в каждом своем действии выполняют прямые поручения буржуазии. Если б дело обстояло так, реформисты не имели бы никакого влияния на рабочих, а следовательно не нужны были бы и самой буржуазии. Именно для того, чтобы иметь необходимый авторитет для предательства рабочих в решающий момент, оппортунисты бывают вынуждены в подготовительный период брать на себя руководство борьбой рабочих, особенно в начале процесса радикализации масс. Отсюда то и вытекает необходимость тактики единого фронта, в которой мы, ради более широкого сплочения масс, вынуждены бываем идти на практическое соглашение с их реформистскими вождями.

Необходимо понимать историческую функцию социал-демократии в целом, чтоб шаг за шагом вытеснить ее из всех ее позиций. Такого понимания нет у нынешнего руководства и в помине. Оно знает только два метода: либо, в духе брандлерианцев, плестись в хвосте социал-демократии (1926–1928), либо, отождествив социал-демократию с фашизмом, заменять революционную политику бессильной бранью. Результатом метаний последнего шестилетия является укрепление социал-демократии и ослабление коммунизма. Механические директивы 3-го пленума способны лишь еще более ухудшить и без того достаточно испорченное положение.

Только совершенно безнадежный простак может представлять себе дело таким образом, что благодаря чудодейственной силе «третьего периода», рабочий класс в целом отшатнется от социал-демократии, оттолкнув всю реформистскую бюрократию в лагерь фашизма. Нет, процесс будет протекать более сложными и противоречивыми путями. Возрастающее недовольство социал-демократическим

правительством в Германии, лейбористским — в Англии, переход от частичных и разрозненных стачек к более массовым движениям, и проч. (когда все эти явления действительно наступят!) будут иметь неизбежным последствием — предлагаем всем Молотовым зарубить себе это на носу! — полевение очень широких кругов реформистского лагеря, подобно тому, как внутренние процессы в СССР вызвали полевение того центристского лагеря, к которому принадлежит сам Молотов.

Социал-демократы и амстердамцы, за вычетом наиболее сознательных элементов правого крыла (типа Томасов, Герман Мюллеров, Реноделей, Жуо и пр.) вынуждены будут, при соответственных условиях, брать на себя руководство выступлениями масс — разумеется, только для того, чтоб удерживать эти выступления в узких рамках, или, чтоб наносить рабочим удар в спину, когда они перейдут эти рамки. Хотя мы это знаем заранее, и открыто предупреждаем об этом авангард, тем не менее впереди будут еще десятки, сотни и тысячи случаев, когда коммунисты не только не смогут отказаться от практических соглашений с реформистами, но должны будут брать на себя инициативу таких соглашений, чтоб, не выпуская руководства из рук, рвать с реформистами в тот момент, когда они из колеблющихся союзников превращаются в открытых предателей. Эта политика будет неизбежна прежде всего по отношению к левой социал-демократии, которая, при действительной радикализации масс, окажется вынужденной более решительно, вплоть до раскола, противопоставить себя правому крылу. Эта перспектива нисколько не противоречит тому факту, что верхушка левой социал-демократии состоит чаще всего из наиболее развращенных и опасных агентов буржуазии.

Как можно отказываться от практических соглашений с реформистами в тех случаях, когда они, например, руководят стачками? Если таких случаев сейчас мало, то потому, что само стачечное движение еще очень слабо и реформисты могут его игнорировать и саботировать. При вовлечении же в борьбу больших масс соглашения станут неизбежны для обеих сторон. Столь же невозможно преграждать себе дорогу к практическим соглашениям с реформистами — не только с социал-демократической массой, но во многих случаях и с ее вождями, вероятнее всего с частью этих вождей, — в борьбе против фашизма. Эта перспектива может оказаться не столь уже далекой не только в Австрии, но и в Германии. Директива X-го пленума вытекает попросту из психологии смертельно перепуганных оппортунистов.

Сталины, Молотовы и прочие вчерашние союзники Чан-Кай-Ши, Ван-Тин-Вея, Персея, Кука, Фимена, Ляфолета, Радича, поднимут, конечно, крики о том, что левая оппозиция стоит за блок со Вторым Интернационалом. Эти крики не помешают тому, что когда действительное полевение рабочего класса снова достигнет бюрократов врасплох, они провозгласят четвертый период, или вторую стадию третьего, и все Молотовы вступят по меньшей мере «двумя ногами» в эпоху оппортунистических экспериментов, вроде англо-русского комитета и рабоче-крестьянского Гоминдана.

Не забывайте о собственном вчерашнем дне!

Пусть вспомнят свою собственную, совсем еще свежую историю все нынешние лидеры французской коммунистической партии, как впрочем и других партий Интернационала. Ведь все они, за исключением молодежи, вышли из рядов реформистов под влиянием полевения рабочих. Это не помешало нам, большевикам,

вступать с левеющими реформистами в соглашения, ставя им очень точные условия пред лицом масс. Одним из таких бесчисленных соглашений был, например, Циммервальд. Откуда же эта самодовольная уверенность вчерашних социал-патриотов, что массы, когда они действительно станут приближаться к «передовым позициям революционного подъема», не выдвинут новой смены Кашенов, Монмуссо, Тельманов и пр., (второе издание, будем надеяться, окажется лучше первого) — и что нам не придется снова таких господ за уши тащить на революционные позиции, вступая с ними по пути в эпизодические соглашения, ставя им на дальнейших этапах 21, а может быть и 42 условия, и наоборот, опрокидывая их с головою в болото оппортунизма, когда они станут тянуть назад.

Официальные теоретики совершенно ложно объясняют нынешнее усиление правого крыла в коммунизме тем, что «внутренние» реформисты испугались радикализации масс. Тут полное непонимание политической психологии! Оппортунизм предполагает очень большую эластичность и способность приспособляться. Если б ощущался массовый прибой, то Брандлеры, Илеки, Ловстоны передвигались бы влево, а не вправо, особенно же такие тертые карьеристы, как Селье, Гаршери и пр., озабоченные прежде всего удержанием своих мандатов. Правда, способность оппортунистов к передвижению влево не безгранична. Когда дело доходит до Рубикона — до решения, до восстания, — они в большинстве своем отскакивают вправо. Это доказано опытом даже такой закаленной партии, какою была большевистская (Зиновьев, Каменев, Рыков, Калинин, Томский, Луначарский и др.). После победы оппортунисты снова передвигаются «влево», вернее сказать, в сторону власти (Лозовский, Мартынов, Куусинен и пр., а вслед за ними и такие герои, как Пепер, Кашен и Фроссар). Но ведь во Франции дело далеко еще не дошло до решения. И если французские оппортунисты сейчас не левеют, а откатываются вправо, то это само по себе является верным признаком того, что революционное давление масс не ощущается, что партия слабеет и что муниципалы и прочие карьеристы надеются сохранить свои мандаты, выступая против коммунизма (*Кстати сказать, создав «рабоче-крестьянскую» партию, вместо пролетарской, Луи Селье и К° таким образом дали и на Западе воплощение гениальной формуле Сталина, предназначенной для Востока*). Отход таких гнилых элементов сам по себе есть выигрыш для партии. Но несчастье в том, что ложная, безответственная, авантюристская, хвастливая и трусливая в одно и то же время политика официального руководства создает для перебежчиков выгодное прикрытие и толкает в их сторону такие пролетарские элементы, которым место в коммунистических рядах.

Еще раз об опасности войны

Чтоб усугубить путаницу, признание непосредственной революционной ситуации помножено на признание столь же непосредственной военной опасности. В защиту этого тезиса Молотов неожиданно направил всю силу своей учености против Варга, известного теоретического царедворца, шекспировского Полония, который каждому «принцу» склонен сказать что-нибудь приятное, влево или вправо, смотря по состоянию погоды. На этот раз Полоний, однако, не попал в точку. Одно уже знакомство его с иностранными газетами, с фактами и с цифрами помешало ему своевременно переместить меридиан Коминтерна в то место, на которое Молотов ступил левой ногою. Варга внес к резолюции следующую почтительную поправку:

«Обострение империалистических противоречий, которые ни одна из главных империалистических держав не считает сейчас целесообразным разрешить путем войны, вынуждает к попытке временного примирения этих противоречий в области репарационного вопроса».

Казалось бы, что эта архи-осторожная фраза является совершенно бесспорной. Но так как она требовала все же некоторых дополнительных усилий мысли, то Молотов совершенно вышел из себя. Как можно думать,— вопил он,— что ни одна из главных империалистических держав не считает сейчас целесообразным разрешить путем войны империалистические противоречия?» Всем известно (!),— слушайте, слушайте: Молотов говорит! — всем известно, что опасность новой империалистической войны нарастает с каждым днем». Между тем у Варги «получается обратное». Не чудовищно ли? — Как смеет Варга «отрицать, что именно в результате проведения репарационного плана Юнга неизбежны обострения, противоречия»...

Все это так нелепо и первобытно глупо, что разоружает даже иронию. «Всем известно, что опасность новой империалистической войны нарастает с каждым днем». Какая мощь мысли! Всем известно? К несчастью, это известно лишь очень маленькому проценту человечества, причем, даже новоявленному руководителю Коминтерна совершенно неизвестно, как происходит в действительности нарастание военной опасности. Вздор, будто она увеличивается «с каждым днем», как вздор, будто массы левеют с каждым днем. Мы имеем перед собою диалектический процесс, с временными ослаблениями империалистических трений и с их новыми нарастаниями. Молотов может быть слышал, что даже развитие производительных сил капитализма, самый основной из всех его процессов, совершается вовсе не «с каждым днем», а через кризисы и подъемы, через периоды упадка производительных сил, и даже их массового разрушения (во время войн). По этому же типу разворачиваются и политические процессы, но с еще более резкими колебаниями.

Репарационная проблема привела в **1923** году к оккупации Рура. Это было прямое воспроизведение войны в малом масштабе. Но этот масштаб оказался достаточным, чтобы создать революционную обстановку в Германии. Коминтерн, руководимый Зиновьевым и Сталиным, и германская компартия, руководимая Брандлером, погубили эту исключительную обстановку. **1924**-й год, принесший план Дауеса, явился годом ослабления революционной борьбы в Германии и начала смягчения противоречий между Францией и Германией. Так создались политические предпосылки экономической стабилизации. Когда мы об этом сказали вслух, вернее сказать, когда мы предсказали это развитие в конце **1923** года, Молотовы и другие мудрецы, обвинив нас в ликвидаторстве, немедленно вступили всеми конечностями в период революционного подъема.

Стабилизационные годы выдвинули новые противоречия и обострили ряд старых. Вопрос о пересмотре плана Дауеса стал ребром. Если бы Франция отказалась от плана Юнга, и если б от него отказалась Германия, Европа стояла бы уже сегодня перед повторением рурской оккупации, но в гораздо более широком масштабе, со всеми вытекающими отсюда непосредственными последствиями. Но этого то как раз и нет. Все участники игры сочли более благоразумным в данный момент прийти к соглашению, и, вместо второй оккупации Рура, мы наблюдаем очищение Рейнской

области. Невежество характеризуется смешением вещей, познание же начинается с их различения. Марксизм никогда не потакал невежеству.

Но разве же, — восклицает наш стратег, «в результате проведения репарационного плана Юнга» не должно неизбежно наступить дальнейшее обострение противоречий? Должно наступить! Но — в результате. Надо же понимать последовательность явлений и диалектику их чередования. В результате высокой капиталистической конъюнктуры неизбежно наступает депрессия, а иногда и острый кризис. Но отсюда вовсе не означает, что высокая конъюнктура равносильна низкой, и что кризис возрастает «с каждым днем». «В результате» своей жизни человек отправляется к праотцам, из чего вовсе не вытекает, что человек не проходит через периоды младенчества, роста, болезней, зрелости, старчества, прежде, чем доберется до ворот смерти. Невежество характеризуется смешением вещей. Яблоко познания учит их различению. Но Молотов никогда не вкушал этого плода.

Жалкий схематизм нынешних руководителей совсем не невинен; наоборот, он практически бьет по революции на каждом шагу. Советско-китайский конфликт создавал неотложную необходимость мобилизации масс против военной опасности и в защиту СССР. Можно не сомневаться, что на этом пути коммунистические партии могли бы, даже и при нынешних условиях, достигнуть значительных успехов. Для этого нужно было, чтобы в агитации крупнейший факт говорил сам за себя. Но, как на грех, дальневосточный конфликт разразился в самый разгар подготовки 1-го августа. Официальные агитаторы и журналисты так неистово и непрерывно кричали о войне вообще, и опасности вообще, что реальный международный конфликт потонул в этих криках, найдя лишь слабый доступ в сознание масс. Так в политике нынешнего Коминтерна тощие коровы бюрократических схем пожирают тучных коров живой действительности.

В связи с вопросом о борьбе против военной опасности опять необходимо оглянуться на стратегию второго периода: в качестве главного довода в пользу поддержания блока с Генеральным Советом тогда выдвигалась необходимость совместной борьбы против опасности войны. На июльском пленуме Ц. К. 1927 г. Сталин клялся, что блок с Генеральным Советом полностью оправдывается тем, что английские тред-юнионы помогают нам будто бы вести борьбу против британского империализма, и что поэтому требовать разрыва со штрейкбрехерами могут только те, которым не дорога оборона СССР. Таким образом не только полевение английских рабочих, но и военная опасность в течение 1926–1927 г. г. служили главным аргументом в пользу блока с реформистами. Теперь оказывается, что как радикализация масс, так и приближение военной опасности одинаково требуют решительного отказа от каких бы то ни было соглашений с ними. Все вопросы ставятся так, чтоб по возможности запутать передовых рабочих.

Несомненно, что в случае войны или хотя бы ее действительного и явного приближения, реформисты будут целиком со своей буржуазией. Соглашение с ними для борьбы против войны также же невозможно, как и блок для совершения пролетарской революции. Именно поэтому изображать, на подобие Сталина, англо-русский комитет, как орудие борьбы против империализма, значило преступно обманывать рабочих. Но дело в том, что история знает не только войны и революции, но и периоды между войнами и революциями, т. — е. периоды, когда буржуазия готовится к войне, а пролетариат — к революции. Мы живем сейчас

в такой именно период. Нам надо отвоевать массы у реформистов, которые за последние годы усилились, а не ослабели. Своим усилением они, однако, поставили себя в большую зависимость от эволюции своей пролетарской базы. На этой зависимости целиком основана тактика единого фронта. Нужно только проводить ее не по Зиновьеву и не по Брандлеру, не по Сталину и не по Бухарину. Нужно и в этом вопросе вернуться к Ленину.

Группировки в коммунизме

Левую оппозицию, не примкнувшую к катехизису «третьего периода», наездники, вроде Монмуссо, снова обвиняют в правом уклоне. К этому обвинению мы, после опыта последних 6 лет, можем относиться с тем большим спокойствием, что еще на 3-м конгрессе Коминтерна нас вместе с Лениным обвиняли в правом уклоне многие из тех господ, которые позже перешли к социал-демократии, или временно задержались на брандлеровском этапе. Достаточно напомнить, что в период 5-го конгресса одним из главных обличителей «троцкизма» был Луи Селье.

Несомненно, однако, что правые элементы действительно будут пытаться использовать отдельные элементы нашей критики. Это совершенно неизбежно. Не надо думать, что все суждения правых ошибочны. Сплошь да рядом правые очень основательно критикуют козлиные прыжки левого авантюризма. В этих пределах они весьма склонны пользоваться марксистской критикой, чтобы, под прикрытием ее, противопоставить авантюризму — оппортунизм.

Нужно, однако, прибавить, что и в рядах той оппозиции, которая с достаточным основанием считает себя левой, были до недавнего времени, отчасти остаются еще и сейчас, такие элементы, которые примкнули к нам в 1924 году не потому, что мы отстаивали международно-революционную позицию, а только потому, что мы боролись против зиновьевского авантюризма. Многие потенциальные оппортунисты принимали в тот период во Франции покровительственную окраску русской оппозиции. Некоторые из них даже щеголяли до самого недавнего времени тем, что они согласны с нами безоговорочно («*sans reserves*»). Когда же встали ребром реальные вопросы борьбы за взгляды оппозиции, то обнаружилось, что этих «салонных» оппозиционеров отделяет от нас пропасть. Они тем охотнее отрицают наличие революционной ситуации, что не испытывают в ней ни малейшей надобности.

Многие добрые души искренне огорчались тем, что мы непримиримо вгоняли клин между левой оппозицией и правой. Нашу классификацию трех основных течений в нынешнем коммунизме называли произвольной, и утверждали, что для Франции она не реальна, уже в виду отсутствия будто бы правого крыла. Факты последних месяцев наполнили, однако, и во Франции, интернациональную «схему» плотью и кровью. «Синдикальная Лига» окончательно подняла знамя борьбы против коммунизма, найдя в этом общую почву с синдикальной оппозицией второго призыва. Одновременно и от партии откололись наиболее реформистские элементы, которые использовали борьбу против бюрократического авантюризма, для того, чтобы, под видом новой партии, попытаться создать страховку своих мандатов. И немедленно же, силою политического сродства, правая синдикальная оппозиция оказалась связанной с новой парламентско-муниципальной «партией». Все становится таким образом постепенно на свое место. И в этом, думается нам, не малая заслуга «*La Verite*».

Прямая линия определяется двумя точками. Для определения кривой нужно не меньше трех. Линии политики очень сложны и извилисты. Чтобы правильно оценить различные группировки, надо брать их поведение на нескольких этапах: в моменты революционного подъема и в моменты отлива. Начертать правильную революционную орбиту левой коммунистической оппозиции можно только в том случае, если нанести на бумагу ряд критических точек: отношение к немецким событиям 1923 года; вопрос о стабилизации в 1924 г.; отношение к индустриализации и кулаку в СССР в 1923–1928 г. г.; вопрос о Гоминдане и англо-русском комитете; отношение к кантонскому восстанию; оценка теории и практики «третьего периода», и пр. Каждый из этих вопросов заключает в себе в свою очередь целую группу тактических задач. Аппаратные мародеры выхватывают из сложной системы идей и лозунгов отдельные фразы и строят на них сближения левых с правыми. Марксист берет проблему в целом, проводя единство стратегической мысли через различные обстановки. Этот метод дает результаты не сразу, но это единственно надежный метод. Мародеры пусть мародерствуют, а мы будем готовить завтрашний день.

Л. Троцкий.

Принкипо, 8-ое января 1930 г.

НЕОБХОДИМОЕ ДОПОЛНЕНИЕ

«Юманитэ» от 7-го января печатает, на основании официальных данных, более свежих, чем те, которые имелись в нашем распоряжении, статистику стачек во Франции с 1919 до 1928 года включительно. Мы воспроизводим эту таблицу целиком:

Годы	Число стачек	Число стачечников
1919	2.111	1.211.242
1920	1.911	1.462.228
1921	570	451.854
1922	694	300.583
1923	1.114	365.868
1924	1.083	274.865
1925	931	249.198
1926	1.060	349.309
1927	443	120.551
1928	943	222.606

Эта таблица вносит в отношение последних трех лет некоторые изменения в наши расчеты. Но нетрудно показать, что эти изменения не ослабляют, а скорее усиливают наши выводы. Низшую точку в стачечном движении Франции представляет за все десятилетие 1927 год. В 1928 году начинается некоторое повышение. На основании данных коммунистической печати мы приблизительно определили цифру стачечников за 1928 г. в 400–450.000 чел. Для 1929 года «Юманитэ» дает цифру стачечников в полмиллиона, не оправдываемую даже ее собственными данными, и делает отсюда вывод о быстром росте стачек в 1929 г.

по сравнению с предшествующим годом. Это нисколько не мешает газете объявлять официальную цифру **1928** года преуменьшенной. Таким образом из одних и тех же цифр делаются выводы в двух прямо противоположных направлениях. Между тем, если взять цифры самой «Юманитэ» для двух последних годов, то обнаружится не повышение стачечного движения в **1929** г., а скорее даже некоторое снижение его. Но этот неожиданный результат объясняется, по-видимому, просто тем, что преувеличения «Юманитэ» для **1928** года были более размашисты, чем для **1929** года. Правительственных цифр за **1929** год мы еще не имеем даже и суммарных. Поэтому заключение о росте числа стачечников за последний год вдвое по сравнению с предшествующим годом опирается на совершенно недопустимое сравнение преувеличенной цифры «Юманитэ» с преуменьшенной цифрой правительства.

Из приведенной выше официальной таблицы во всяком случае ясно, что в **1928** г., который был провозглашен первым годом революционного подъема, число стачечников, за изъятием одного только **1927** года, было самым низким за все десятилетие. Между тем весь диагноз «третьего периода», выдвинувший Францию на так называемые «передовые позиции революционного подъема», опирался главным образом, если не исключительно, на факты стачечного движения. Вывод все тот же: с таким вооружением и с такими приемами можно идти только навстречу поражениям!

Л. Троцкий.

Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев)

№ 8.